www.volsu.ru

DOI: https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2026.2.10

UDC 347.1
LBC 67.407

Submitted: 05.03.2026
Accepted: 01.06.2026

INALIENABILITY AS AN INTERSECTORAL LEGAL CATEGORY: A CIVIL-LAW ASPECT

Maxim N. Melnikov

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Introduction: the category of "inalienability" in Russian law has a pronounced intersectoral character: in constitutional law it is used as a characteristic of human rights and freedoms, while in private law it reflects restrictions on civil circulation and a means of securing certain benefits (rights) for citizens and legal entities. The paper proposes a new doctrinal model of inalienability that allows distinguishing: inalienability as a constitutional guarantee of preserving legal status and inalienability as a civil-law non-transferability of a subjective right; "quasi-inalienability" as a regime for the disposition of an object of civil rights, conditioned by the consent of a third party or dependent on the fate of another object. **Purpose:** to investigate "inalienability" as an intersectoral legal category in constitutional and civil law. **Methods:** the methodological framework includes the comparative-law, formal-logical, and dialectical methods. **Results:** the analysis evaluates civil-law institutions in which the term "inalienability" is directly used (intangible benefits, share in the right of common ownership of common property, property of institutions, pledge, inheritance contract, and personal non-property rights of the author); examines the rulings of higher judicial instances; and proposes amendments to the current civil legislation. **Conclusions:** in order to increase the effectiveness of the use of the category "inalienability" in civil law, the following changes are advisable: the consolidation of a legal definition of "inalienability" and its clear criteria; the unification of other terminology; the clarification of the grounds for the transformation of personal claims into property ones, as well as the indication of the consequences of violating the prohibitions arising from the category of inalienability in key civil-law institutions. This will preserve the flexibility of circulation and at the same time make the protection of personal and publicly significant interests more consistent and effective.

Key words: inalienability, marketability, intangible benefits, assignment of claims, inheritance contract, pledge, common ownership.

Citation. Melnikov M.N. Inalienability as an Intersectoral Legal Category: A Civil-Law Aspect. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2026, vol. 25, no. 2, pp. 72-80. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2026.2.10

УКД 347.1
ББК 67.407

Дата поступления статьи: 05.03.2026
Дата принятия статьи: 01.06.2026

НЕОТЧУЖДАЕМОСТЬ КАК МЕЖОТРАСЛЕВАЯ ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ: ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Максим Николаевич Мельников

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: категория «неотчуждаемость» в российском праве имеет ярко выраженный межотраслевой характер: в конституционном праве она используется как характеристика прав и свобод человека, а в частном праве отражает ограничения гражданского оборота и способ закрепления определенных благ (прав) за гражданами и юридическими лицами. В статье предлагается новая доктринальная модель неотчуждаемости, позволяющая разграничить: неотчуждаемость как конституционную гарантию сохранения правового статуса; неотчуждаемость как гражданско-правовую непередаваемость субъективного права; «квази-неотчуждаемость» как режим распоряжения объектом гражданских прав, обусловленный согласием третьего лица или зависящий от судьбы иного объекта. **Цель:** исследовать «неотчуждаемость» как межотраслевую правовую категорию в конституционном и гражданском праве. **Методологию** исследования составляют сравнительно-правовой, формально-логический и диалектический методы. **В результате** проведенного анализа

© Мельников М.Н., 2026

дана оценка гражданско-правовым институтам, в которых прямо использован термин «неотчуждаемость» (нематериальные блага, доля в праве общей собственности на общее имущество, имущество учреждений, залог, наследственный договор, личные неимущественные права автора), проанализированы разъяснения высших судебных инстанций, а также предложены изменения в действующее гражданское законодательство. **Выводы:** в целях повышения эффективности использования категории «неотчуждаемость» в гражданском праве целесообразны следующие изменения: закрепление легальной дефиниции «неотчуждаемость», ее четких критериев; унификация иной терминологии; уточнение оснований трансформации личных требований в имущественные, а также указание последствий нарушения запретов, вытекающих из категории неотчуждаемость в ключевых институтах гражданского права. Это позволит сохранить гибкость оборота и одновременно сделает защиту личных и публично значимых интересов более последовательной и эффективной.

Ключевые слова: неотчуждаемость, оборотоспособность, нематериальные блага, уступка требования, наследственный договор, залог, общая собственность.

Цитирование. Мельников М. Н. Неотчуждаемость как межотраслевая правовая категория: цивилистический аспект // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2026. – Т. 25, № 2. – С. 72–80. – DOI: https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2026.2.10

Введение

В гражданском праве оборот объектов гражданских прав составляет социально-экономическую основу имущественных отношений. В этой логике отчуждение ассоциируется со свободой договора, автономией воли и диспозитивностью. Вместе с тем российское гражданское законодательство прямо фиксирует неотчуждаемый характер ряда благ (прав), формируя исключения из отраслевого режима оборота. При этом на доктринальном уровне проблема неотчуждаемости как самостоятельная гражданско-правовая категория разработана фрагментарно, хотя ее отдельные аспекты и обсуждались различными авторами [4, с. 12–14]. Из этого вытекает необходимость исследовать межотраслевой характер данной конструкции и ее специфику в гражданском праве, обосновать новую доктринальную модель неотчуждаемости, выявить посвященные ей гражданско-правовые нормы и практику их применения, сформулировать предложения о развитии законодательства.

Межотраслевой характер категории «неотчуждаемость»

Межотраслевой характер данной категории заключается в том, что в конституционном праве категория «неотчуждаемость» прежде всего относится к основным правам и свободам человека и гражданина: государство их прямо признает и гарантирует, и при этом не вправе их произвольно нарушать [2, с. 171–174]. Конституционная формула о правах и свободах как высшей ценности и их особой природе является основой для всех отраслей права. Главный вопрос в теории межотраслевого регулирования заключается в том, что конституционная неотчуждаемость не тождественна гражданско-правовой неотчуждаемости. В первом случае речь идет о запрете произвольных нарушений прав личности (при допустимости ограничений прав в установленных федеральным законом случаях) [7, с. 150], тогда как во втором – о запрете смены носителя конкретного субъективного права (или о запрете распоряжения объектом (имуществом) определенным способом). Из этого следует, что межотраслевой характер данной категории проявляется не в буквальном отождествлении смысла, а в родстве функций (охрана базовых ценностей, поиск баланса частных и публичных интересов). Гражданское право воспринимает конституционное понятие неотчуждаемости в контексте задач охраны имущественных и личных неимущественных прав: законодательство защищает неотчуждаемые права и свободы человека и гражданина [8, с. 14], устанавливает режим непередаваемости / несменяемости носителя прав, регулирует случаи, когда оборотоспособность вступает в конфликт с личным характером блага либо с публичной целью регулирования. Межотраслевой характер исследуемой категории становится еще более нагляден, если сопоставить типовые «неотчуждаемые» конструкции в разных отраслях права России: в семейном праве (личный характер родительских

прав и обязанностей, невозможность их отчуждения или передачи по договору); в трудовом праве (личный характер трудовой функции, наличие ряда гарантий, например, сроков обращения или защиты нематериальных прав работника); в административном праве (персонализированность разрешений, согласований и лицензий, как правило, их непередаваемость без специальных правовых процедур); в жилищном / земельном праве (следование доли в общем имуществе судьбе основного объекта, например, земельной доли при продаже квартиры в многоквартирном доме). Эти отраслевые примеры важны для цивилистики не сами по себе, а как доказательство, что неотчуждаемость является универсальной категорией, способом привязки субъективного права к личности или объекту, причем частное право вынуждено постоянно согласовывать ее с логикой гражданского оборота.

Категория «неотчуждаемость» в контексте гражданско-правовой доктрины

С позиций гражданско-правовой доктрины можно предложить следующее определение: неотчуждаемость – это установленный законом режим субъективного гражданского права, при котором смена его носителя или принадлежащего ему объекта (переход к другому лицу) полностью исключается либо допускается по специальным правовым процедурам. Можно выделить минимальный набор признаков, характеризующих «неотчуждаемость» в гражданском праве: стабильность правового режима (право / благо принадлежит конкретному субъекту, следует судьбе основного объекта / вещи); запрет на переход отдельных прав в рамках гражданского оборота (сделка, универсальное правопреемство или уступка права требования) полностью или частично; юридические последствия нарушения (ничтожность / оспоримость, специальные последствия, включая сохранение обременения, возмещение убытков и другие); наличие охранительной функции (защита субъективных прав, доверия, решение публичной задачи (включая сохранение имущества учреждения), устойчивость правового режима общего имущества).

Необходимо четко отличать категорию «неотчуждаемость» от смежных правовых понятий: как уже отмечалось выше, неотчуждаемость – это запрет смены субъекта при сохранении объекта / права, тогда как, например, изъятие из оборота означает, что объект вообще не может принадлежать частным лицам и быть предметом сделок, либо (в случае ограничения оборотоспособности) объект может находиться в гражданском обороте, но при соблюдении определенных условий (лицензия, согласие, дополнительные требования к субъекту и ряд других).

Можно предложить три режима неотчуждаемости объектов гражданских прав: абсолютная неотчуждаемость (любые сделки / распоряжения, направленные на передачу, недействительны; право не переходит ни по сделке, ни по наследству, что наиболее характерно для личных нематериальных благ); относительная неотчуждаемость (запрет адресован определенному кругу лиц или действует при определенных условиях, например, распоряжение возможно только с согласия собственника / залогодержателя / участников); квази-неотчуждаемость (право / доля не отчуждается отдельно, и следует судьбе другого объекта, например, доля в общем имуществе следует судьбе основного объекта и потому неотчуждаема сама по себе). Можно предложить ряд аргументов в пользу такой классификации, исходя из норм Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), в котором исследуемый термин прямо используется.

Мы встречаем его в п. 2 ст. 2 ГК РФ (неотчуждаемые права и свободы человека и другие нематериальные блага защищаются гражданским законодательством, если иное не вытекает из существа этих нематериальных благ); ст. 123.6 (членство в общественной организации неотчуждаемо); п. 4 ст. 129 (результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации не могут отчуждаться); п. 1 ст. 150 (применительно к нематериальным благам) и п. 2 ст. 259.2 (доле в праве общей собственности на общее имущество), п. 1, 4 ст. 298 (запрете на отчуждение имущества частными и казенными учреждениями) и п. 2 ст. 346 (предмета залога), п. 4 ст. 1140.1 (неотчуждаемости прав

и обязанностей по наследственному договору), п. 2 ст. 1228 (прав авторства и иных личных неимущественных прав автора) и др. Рассмотрим их более подробно.

1. Хотя ГК РФ чаще говорит о неотчуждаемости применительно к благам и отдельным правам, центральная цивилистическая идея – неотчуждаемость правоспособности и недопустимость ее произвольного ограничения сделкой. Практическое значение этого состоит в том, что любые соглашения типа «я отказываюсь от права быть предпринимателем навсегда», «я обязуюсь не вступать в брак», «я обязуюсь не обращаться в суд» и т. п. в части, где они посягают на права личности, должны оцениваться как ничтожные ввиду прямых указаний закона [3, с. 113]. Здесь неотчуждаемость проявляется через предел автономии воли. Наиболее ярко это заметно применительно к нематериальным благам и личным неимущественным правам.

2. В п. 1 ст. 150 ГК РФ закреплена классическая формула: нематериальные блага, принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона, неотчуждаемы и непередаваемы иным способом [6, с. 8]. Это является весьма важным потому, что вокруг этой нормы строится система способов защиты прав (признание права, компенсация морального вреда и др.), но одновременно и возникает практическая дилемма: оборот иногда требует согласий и разрешений (на использование изображения, имени, результатов творчества), тогда как личные права – это не товар. Отсюда типичная цивилистическая конструкция: не отчуждение права, а предоставление согласия / лицензии / разрешения в пределах, совместимых с личной природой блага. Отдельный дискуссионный вопрос – природа согласия на использование изображения: расположение ст. 152.1 ГК РФ в главе о нематериальных благах означает охрану изображения как нематериального блага, что требует проведения разграничения согласия и отчуждения [5, с. 18–20].

3. В обязательственном праве исследуемая категория чаще всего проявляется функционально – через запреты уступки. В основном – запрет уступки требований, неразрывно связанных с личностью кредитора (алиментные требования, требования о возмещении вреда жизни и здоровью и т. п.), а также в случаях, когда личность кредитора имеет существенное значение для должника. В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 54 «О некоторых вопросах применения положений главы 24 Гражданского кодекса Российской Федерации о перемене лиц в обязательстве на основании сделки» прямо говорится о запрете на уступку права требования без согласия должника, если личность кредитора имеет существенное значение, что вытекает из закона или существа обязательства (п. 10) [1]. Особое практическое значение имеет блок о договорных запретах уступки и последствиях их нарушения.

4. В свою очередь, в рамках процедуры наследования мы также видим прямое указание закона на неотчуждаемость: п. 4 ст. 1140.1 ГК РФ (наследственный договор) указывает на то, что права и обязанности по наследственному договору носят неотчуждаемый характер. Такую норму можно объяснить тем, что наследственный договор является инструментом согласования воли наследодателя и будущих приобретателей, предполагающий личное доверие и персональное распределение обязанностей и имущества [9, с. 383]. Соответственно, свободное отчуждение прав и обязанностей нарушает баланс интересов и предсказуемость исполнения.

5. В праве интеллектуальной собственности неотчуждаемость проявляет себя следующим образом: исключительное право (имущественное) по общему правилу оборотоспособно (хотя в некоторых случаях законом установлены ограничения, например, не могут быть переданы права на фирменные наименования, наименования места происхождения товара, коллективные товарные знаки и др.), тогда как личные неимущественные права автора (право авторства, право на имя и др.) неотчуждаемы [1, с. 51]. В общих положениях об авторе результата интеллектуальной деятельности ГК РФ прямо сказано о том, что право авторства, право на имя и иные личные неимущественные права являются неотчуждаемыми и непередаваемыми, и что отказ от них ничтожен. Это означает, что можно продать / передать права на использование текста, музыки, иллюстрации, но «продать авторство» нельзя. Указание в

договоре «я не автор / автором будет считаться заказчик» будет юридически ничтожным. В авторском праве категория «неотчуждаемость» проявляет себя и в форме контроля за содержанием произведения: нельзя без согласия автора вносить изменения / сокращения / дополнения, снабжать произведение комментариями и т. п.; после смерти автора изменения возможны только при соблюдении ряда условий (не искажать замысел, не нарушать целостность восприятия и не противоречить явно выраженной воле автора). Неотчуждаемость здесь проявляется в том, что даже если исключительное право перешло к другому правообладателю, личностная связь автора с произведением остается и защищается (ст. 1266 ГК РФ). Примечательно, что иногда законодатель делает неотчуждаемыми даже имущественные элементы, когда хочет, чтобы автор (его семья) не терял постоянную связь с ценным произведением.

6. В вещном праве типичным примером практического применения категории неотчуждаемость является следование доли в общем имуществе судьбе основного объекта недвижимости. Так, согласно п. 2 ст. 259.2 ГК РФ, доля в праве общей собственности на общее имущество следует судьбе права собственности на недвижимую вещь, не может быть выделена в натуре и не может быть отчуждена отдельно от права собственности на недвижимую вещь. Это классический пример квази-неотчуждаемости: такая доля не отчуждается отдельно, поскольку она функционально обслуживает использование основного объекта (например, имущества многоквартирного дома) и должна следовать его судьбе. В практическом плане это означает, что сделки, направленные на самостоятельную продажу этой доли, квалифицируются как противоречащие закону и природе общего имущества.

7. Еще один характерный пример – неотчуждаемость имущества частных и казенных учреждений (ст. 298 ГК РФ). Смысл такого режима не защита прав личности, а обеспечение функции целевого использования имущества, а также интересов собственника (публичного или частного), предоставившего это имущество учреждению. Это означает, что, во-первых, неотчуждаемость касается не субъективного права как такового, а предела правомочий распоряжения в рамках вещно-управленческой конструкции учреждения. Во-вторых, законодатель устанавливает баланс между потребностями учреждения и защитой собственника.

8. Последний пример действия рассматриваемой правовой категории – это залог (п. 2 ст. 346 ГК РФ устанавливает залогодателю запрет на отчуждение предмета залога без согласия залогодержателя). В данном случае мы видим модель не абсолютной неотчуждаемости, а режим согласия / контроля, где ключевым становится вопрос о последствиях нарушения. Например, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2023 г. № 23 «О применении судами правил о залоге вещей»[2] отмечается, что в случае отчуждения заложенного недвижимого имущества без согласия залогодержателя, последний вправе потребовать признания сделки по распоряжению заложенной вещью недействительной и применения соответствующих последствий ее недействительности. Признание указанной сделки недействительной не лишает ее приобретателя права требовать от залогодателя возмещения убытков при наличии соответствующих оснований в случаях, предусмотренных законом или договором. Если для распоряжения заложенной движимой вещью требовалось согласие залогодержателя, сделка залогодателя по распоряжению предметом залога, совершенная без согласия залогодержателя после заключения договора залога, не может быть оспорена последним, поскольку законом установлено иное последствие нарушения (п. 40). Это демонстрирует общий тренд судебной практики: даже когда закон использует терминологию «неотчуждаемость / ограничения отчуждения», последствия не всегда сводятся к «ничтожности». Гражданское право часто предпочитает сохранение обременения и перераспределение рисков как более «оборотоспособное» решение проблемы. В целом же судебная практика исходит из того, что оборотоспособность – это общее правило, а неотчуждаемость – исключение, требующее ясного основания (норма закона или очевидная природа права). Этот подход особенно заметен в делах об уступке права требования и о последствиях договорных запретов уступки: суды считают необходимым

выявлять, действительно ли запрет вытекает из закона / существа обязательства либо установлен договором, и какие последствия должны наступить. Такой подход вполне функционален: чрезмерное расширение неотчуждаемости разрушит предсказуемость оборота. Однако это порождает и риск нарушений прав личности в случаях, когда персональный характер права неочевиден (например, в смешанных требованиях о компенсации, где личный элемент трансформируется в имущественный). В этом смысле примечательно Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда», формирующее одну из наиболее четких моделей «перехода границ» между личным и имущественным: право требовать компенсацию морального вреда носит личный характер и не может быть передано в порядке правопреемства, в частности уступки требования (п. 8); право на компенсацию морального вреда не входит в состав наследства, однако если денежная сумма уже была взыскана судом, право на ее получение переходит к наследникам как часть наследственной массы (п. 9)[3]. Эта конструкция крайне важна для теории неотчуждаемости: суд фактически фиксирует момент, когда личное требование (неотчуждаемое) превращается в имущественное (отчуждаемое / наследуемое). Межотраслевой характер рассматриваемой доктринальной категории весьма ярко проявляет себя и в правовой позиции Конституционного Суда РФ по вопросу о переходе к наследникам обязанности компенсировать моральный вред, причиненный преступлением наследодателя.

Поводом для рассмотрения дела стала неоднозначная судебная практика по вопросу о том, подлежит ли возмещению моральный вред, причиненный преступлением, за счет наследственного имущества виновного лица, если последнее скончалось до принятия судебного акта о компенсации. Конституционный Суд РФ пришел к выводу о том, что законодательство не содержит прямого запрета на переход обязанности по компенсации морального вреда к наследникам[4]. Такая обязанность входит в состав имущественных обязательств умершего, если вред был причинен преступлением, и она исполняется в пределах стоимости перешедшего наследства.

Для цивилистической доктрины все это важно по двум причинам: неотчуждаемость личного права потерпевшего на компенсацию морального вреда (в аспекте наследования) сосуществует с наличием денежной обязанности причинителя в пределах стоимости наследства, то есть личный элемент тут не исключает имущественной ответственности; конституционно-правовая аргументация (достоинство личности, эффективная защита) напрямую влияет на частноправовой вывод о составе наследства и о допустимости требований к наследникам.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что гражданское законодательство в части регулирования неотчуждаемости нуждается в изменениях и дополнениях. Начнем с того, что сегодня сохраняется терминологическая неопределенность: «неотчуждаемость», «непередаваемость», «личный характер» – это близкие конструкции, однако у них будут разные правовые последствия.

В настоящий момент отсутствует «общая часть» неотчуждаемости, то есть нет общей нормы, которая объясняла бы, что именно означает этот термин в ГК РФ, и как его следует применять. Для исправления ситуации в Общей части ГК РФ (например, в ст. 1 об основных началах гражданского законодательства) необходимо закрепить, что «неотчуждаемость» означает запрет перехода права (блага) к другому лицу по сделке и/или в результате правопреемства, если иное не предусмотрено законом; что последствия нарушения этого запрета определяются законом (при отсутствии специальных указаний – в виде ничтожности сделки, но с оговоркой о возможности иных специальных последствий). В обязательственном праве целесообразно либо расширить легальную формулировку о запрете уступки права требования, «неразрывно связанного с личностью», добавив ориентиры (незакрытый перечень критериев), либо сделать в тексте закона отсылку к модели «с учетом существа обязательства». Наряду с этим, необходимо законодательно зафиксировать модель «трансформации» личного требования в имущественное. Представленный выше подход Пленума Верховного Суда РФ в части компенсации морального вреда фактически универсален: пока требование не «крис-

таллизовалось» в денежную сумму (например, присужденную судом), оно личное и неотчуждаемое; после присуждения – имущественное и оборотоспособное.

Имеет смысл закрепить подобную модель в общих положениях о правопреемстве / наследовании прав требований (в виде общего правила с возможностью отдельных законодательных исключений). Это сделало бы практику более предсказуемой не только для компенсации морального вреда, но и для иных компенсационных требований смешанной природы. Отдельный вопрос состоит в последовательном регулировании «квази-неотчуждаемости» долей в общем имуществе (многоквартирного дома). Для долей, следующих судьбе объекта (ст. 259.2 ГК), полезно прямо зафиксировать, что любые сделки об отдельном отчуждении такой доли в общем имуществе ничтожны. Предлагаемые меры позволят определить оптимальное соотношение отчуждаемости и неотчуждаемости для равной защиты частных и публичных интересов, а также корректного применения этой конструкции на практике. Другими словами, суть предлагаемых мер – не расширить сферу действия «неотчуждаемости» в целом, а сделать ее более определенной (что именно неотчуждаемо); более предсказуемой (каковы последствия нарушения запретов); более согласованной с межотраслевыми подходами (достоинство личности, защита прав потерпевших, сохранение целевого имущества).

Выводы

Подводя итоги следует отметить, что категория «неотчуждаемость» в российском праве реально носит межотраслевой характер: она связывает конституционную идею правового статуса личности с гражданско-правовой регламентацией ограничений оборота. В гражданском праве неотчуждаемость проявляется в трех основных формах: 1) абсолютная неотчуждаемость нематериальных благ и личных неимущественных прав; 2) относительная неотчуждаемость как режим согласия / контроля (залог, имущество учреждений); 3) квазинеотчуждаемость как «следование судьбе» (доли в общем имуществе). Судебная практика в целом воспринимает неотчуждаемость как исключение и старается выдерживать баланс с потребностями гражданского оборота. Особенно показательно, что высшие суды закрепляют личный характер отдельных требований и недопустимость их уступки или наследования, но допускают оборотоспособность «присужденной суммы» (моральный вред); предпочитают специальные последствия вместо автоматической недействительности (при залоге); допускают наследование имущественной обязанности компенсировать моральный вред в пределах стоимости наследства, связывая это с конституционными гарантиями защиты потерпевших.

В целях повышения эффективности использования категории «неотчуждаемость» в гражданском праве целесообразны следующие изменения: закрепление легальной дефиниции «неотчуждаемость», ее четких критериев; унификация иной терминологии; уточнение оснований трансформации личных требований в имущественные, а также указание последствий нарушения запретов, вытекающих из категории «неотчуждаемость» в ключевых институтах гражданского права. Это позволит сохранить гибкость оборота и одновременно сделает защиту личных и публично значимых интересов более последовательной и эффективной.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 54 «О некоторых вопросах применения положений главы 24 Гражданского кодекса Российской Федерации о перемене лиц в обязательстве на основании сделки». – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2023 г. № 23 «О применении судами правил о залоге вещей». – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда». – Доступ из информ.-правового портала «Гарант».

[4] Постановление Конституционного Суда РФ от 29.05.2025 № 24-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 151 и статьи 1112 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан А.Г. Байгускаровой и М.Г. Мухаметчина». – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Джалилиан, Ф. А. Исключительное право автора произведения : дис. … канд. юрид. наук / Фарзад Азиз Джалилиан. – Душанбе, 2015. – 177 с.

2. Ивановский, К. В. Неотчуждаемость прав и свобод как конституционный принцип / К. В. Ивановский // Права человека: история, теория, практика : сб. науч. ст. XI Всерос. науч.-практ. конф. – Курск : [б. и.], 2023. С. 171–174.

3. Миняйленко, Н. Н. Принцип неотчуждаемости основных прав м свобод человека в институте правовой защиты / Н. Н. Миняйленко // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. – 2018. – № 3. – С. 110–115.

4. Никогосян, Е. Б. Проблемы правового регулирования личных неимущественных прав автора (сравнительно-правовой анализ) : автореф. дис. … канд. юрид. наук . Ереван, 2016. – 22 с.

5. Николаева, А. А. Изображение гражданина: проблемы правового регулирования, использования, охраны и защиты : дис. … канд. юрид. наук / Александра Александровна Николаева. – М., 2014. – 221 с.

6. Орлов, О. В. Нематериальные блага лиц, осужденных к лишению свободы, и их защита в гражданском праве : автореф. дис. … канд. юрид. наук / Олег Владимирович Орлов. – Краснодар, 2012. – 23 с.

7. Панченко, В. Ю. К вопросу об ограничении и отчуждении прав человека / В. Ю. Панченко, И. В. Пикулева // Аграрное и земельное право. – 2014. – № 2. – С. 150.

8. Саурин, А. А. Право собственности в Российской Федерации: конституционно-правовые пределы реализации и ограничения : дис. … д-ра юрид. наук / Александр Анатольевич Саурин. – М., 2014. – 400 с.

9. Тарасова, Е. А. Наследственный договор – ожидания и реальность… / Е. А. Тарасова // Пермский юридический альманах. – 2020. – № 3. – С. 379–387.

REFERENCES

1. Dzhalilian F.A. *Isklyuchitelnoe pravo avtora proizvedeniya: dis. ... kand. yurid. nauk* [Exclusive Right of the Author of a Work. Cand. jurid. sci. diss.]. Dushanbe, 2015. 177 p.

2. Ivanovsky K. V. Neotchuzhdaemost prav i svobod kak konstitutsionny printsip [Inalienability of Rights and Freedoms as a Constitutional Principle]. *Prava cheloveka: istoriya, teoriya, praktika: sb. nauch. st. XI Vseros. nauch.-prakt. konf.* [Human Rights: History, Theory, Practice. Collection of Scientific Articles of the 11th All-Russian Scientific and Practical Conference]. Kursk, s.n., 2023. pp. 171-174.

3. Minyaylenko N.N. Printsip neotchuzhdaemosti osnovnykh prav i svobod cheloveka v institute pravovoy zashchity [The Principle of Inalienability of Fundamental Human Rights and Freedoms in the Institute of Legal Protection]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta voysk natsionalnoy gvardii* [Bulletin of the St. Petersburg Military Institute of the National Guard Troops], 2018, no. 3, pp. 110-115.

4. Nikogosyan E.B. *Problemy pravovogo regulirovaniya lichnykh neimushchestvennykh prav avtora (sravnitelno-pravovoy analiz): avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Problems of Legal Regulation of Author's Personal Non-Property Rights (Comparative Legal Analysis). Cand. jurid. sci. abs. diss.]. Yerevan, 2016. 22 p.

5. Nikolaeva A.A. *Izobrazhenie grazhdanina: problemy pravovogo regulirovaniya, ispolzovaniya, okhrany i zashchity: dis. ... kand. yurid. nauk* [Image of a Citizen: Problems of Legal Regulation, Use, Protection and Defense. Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2014. 221 p.

6. Orlov O.V. *Nematerialnye blaga lits, osuzhdennykh k lisheniyu svobody, i ikh zashchita v grazhdanskom prave: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Non-Material Benefits of Persons Sentenced to Imprisonment and Their Protection in Civil Law. Cand. jurid. sci. abs. diss.]. Krasnodar, 2012. 23 p.

7. Panchenko V.Yu., Pikuleva I.V. K voprosu ob ogranichenii i otchuzhdenii prav cheloveka [On the Issue of Restriction and Alienation of Human Rights]. *Agrarnoe i zemelnoe pravo* [Agrarian and Land Law], 2014, no. 2, p. 150.

8. Saurin A.A. *Pravo sobstvennosti v Rossiyskoy Federatsii: konstitutsionno-pravovye predely realizatsii i ogranicheniya: dis. ... d-ra yurid. nauk* [Property Right in the Russian Federation: Constitutional and Legal Limits of Implementation and Restrictions. Dr. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2014. 400 p.

9. Tarasova E.A. Nasledstvenny dogovor – ozhidaniya i realnost… [Inheritance Contract – Expectations and Reality…]. *Permsky yuridichesky almanakh* [Perm Legal Almanac], 2020, no. 3, pp. 379-387.

Information About the Author

Maxim N. Melnikov, Postgraduate Student, Department of Civil Law and Procedure, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, Melnikovmaksim0201@yandex.ru, https://orcid.org/0009-0009-9449-979X

Информация об авторе

Максим Николаевич Мельников, аспирант кафедры гражданского права и процесса, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, Melnikovmaksim0201@yandex.ru, https://orcid.org/0009-0009-9449-979X